

Ток. Детективные каникулы

Камилла Тринкьери
Убийство в Кьянти

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Тринкьери К.

Убийство в Кьянти / К. Тринкьери — «Эксмо», 2020 — (Ток. Детективные каникулы)

ISBN 978-5-04-249686-8

Когда Нико Дойл, бывший детектив из Нью-Йорка, решил обосноваться в старинном городке Гравинья, он мечтал о тишине и покое. И о собственном огороде, конечно. Вот только глубинка Тосканы оказалась вовсе не таким спокойным местом, как думал Нико. Однажды его утреннюю идиллию за готовкой на кухне прерывает выстрел в лесу и лай собаки. Пospешив на шум, Нико, к своему удивлению, находит труп под виноградником. За дело берется незадачливый карабинер Сальваторе Перилло, не расследовавший ничего серьезнее кражи винной бочки. Узнав о детективном прошлом Нико, он уговаривает его помочь. Все осложняется тем, что у них практически нет улик, зато есть целый город подозреваемых. Погибшего знали все, и у многих имелся на него зуб. Прихватив своего пса Хвостика, Нико все глубже погружается в тайны соседей. Кажется, за их приветливыми улыбками может скрываться настоящая опасность для него и его близких.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-249686-8

© Тринкьери К., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава I	6
Глава II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Камилла Тринкьери

Убийство в Кьянти

Camilla Trinchieri

Murder in Chianti

MURDER IN CHIANTI (#1 The Tuscan Mystery series)

Copyright © 2020 by Camilla Trinchieri

© Павлушкина Ю., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава I

Понедельник, пять тринадцать утра. Солнце не собиралось показываться еще как минимум час, но Нико уже поднялся с постели, натянул футболку, шорты, носки и зашнуровал кроссовки. Постель давно перестала быть для него уютным местом. Как там, в Бронксе, где они с Ритой прожили двадцать пять лет, так и здесь, в старом фермерском двухкомнатном доме, который он снял в мае.

Он поставил кофу¹ на плиту и, дожидаясь первых пузырьков, аккуратно заправил кровать. С тех пор как в возрасте трех или четырех лет он начал сам ее застилать, он никогда не уходил, оставив ее неубранной. Аккуратно заправленная с утра постель придавала ему в детстве ощущение, что все под контролем, несмотря на отцовские пьяные вспышки и материнский страх перед ним. Нико понимал, что это была лишь иллюзия, но каким-то образом она спасала тогда и спасает сейчас, когда он снова пытается навести порядок в своей жизни.

Глоток крепкого эспрессо прогнал остатки сна. За ним последовала запрещенная сигарета, которую он выкурил у открытого окна. В их квартире в Бронксе он безропотно следовал «домашним правилам» Риты. Теперь же у него были все те нежеланные свободы, что достаются вдовцам: можно выругаться, одеться как попало, закурить после утреннего кофе, выпить лишний бокал вина за ужином, позволить себе сигарету на ночь. Все это были мелочи. Мелочи, цена которых не сравнима с понесенной утратой.

Воздух еще хранил утреннюю прохладу, и Нико с удовольствием вдохнул ее, отправляясь на пробежку – три мили по извилистой дороге, ведущей в Гравинью. Подъем был крутым и опасным в предрассветных сумерках, и даже в этот час машины со свистом пронеслись туда и обратно – люди ехали на работу. Но утренняя пробежка, как и заправленная кровать, были для Нико ритуалом, возвращающим чувство контроля. После потери работы и последовавшей за ней смерти Риты это стало особенно необходимо.

Когда показался городок, расположенный на небольшом холме, Нико остановился, чтобы перевести дух и полюбоваться видом Гравиньи с ее средневековыми крепостными стенами, двумя башнями и гордым шпилем церкви Сант-Аньезе. В скудном предрассветном свете Нико мог по памяти разглядеть сотни аккуратных рядов виноградных лоз, покрывавших Конка д'Оро – «Золотую долину» у подножия города, где когда-то выращивали только зерно. Он впервые увидел это место вместе с Ритой, во время их медового месяца, и был поражен.

– Наш сказочный край, – прошептала тогда она.

Он рассмеялся. Они оба были пьяны от любви и счастья.

Каждые три-четыре года, когда позволяли средства, они возвращались сюда. Это был город ее детства. Родители Риты, которые иммигрировали в Нью-Джерси, когда ей было шесть, вернулись в Гравинью, чтобы встретить здесь старость и быть похороненными на родине. Рита просила похоронить ее рядом с ними.

Он исполнил ее последнюю волю, упокоил ее прах и тут же вернулся. Но в Нью-Йорке его больше никто не ждал. Единственный ребенок в семье, родители которого давно умерли, а бывшие коллеги избегали. Он скучал по Рите и ее волшебной стране, и он вернулся, чтобы

¹ Мока (гейзерная кофеварка) – металлическая кофеварка, которую ставят на плиту; при нагревании вода под давлением проходит через молотый кофе и поднимается в верхний резервуар, издавая характерное бульканье.

быть ближе к ней и тем родственникам, которые у нее остались: кухне его жены Тильде и ее дочери Стелле.

Над окрестными холмами забрезжил розовато-серый свет. Пора было возвращаться и заняться помидорами. Сегодня он решил пропустить визит на своем стареньком «Фиате-500» в «Бар Аль Анголо» – единственное кафе в городе. Обычно его манили туда запах свежих круассанов, смех школьников, гомон матерей, рабочие, толпившиеся у стойки, туристы, заполнявшие столики, приветливость хозяев – все то, что хоть на время помогало ему чувствовать себя не таким одиноким. А вкусные свежее испеченные корнетти² из цельнозерновой муки, только что из духовки, делали это место еще более привлекательным.

Однако этим утром Нико не возражал против того, чтобы нарушить свой привычный распорядок. У него было дело. И вместо неспешного возвращения домой он перешел с шага на легкий бег. Утреннюю тишину нарушили два мотоцикла с пробитыми глушителями. Несколько машин пронеслись мимо: одна громко посигналила, предупреждая о себе, другая, маленькая «Панда», проехала так близко, что ветер ударил в лицо.

«Очередной итальянский безумец», – подумал Нико.

К дому он добрался с бешено колотящимся сердцем и ощущением, что в легких не осталось воздуха. Пожалуй, пора было признать, что для пробежек туда-обратно он уже староват. Разминая икры, он взглянул на небо: чистое, безоблачное, синее, оно предвещало начало еще одного великолепного сентябрьского дня в Тоскане.

Пес, справив нужду под деревом, побрел в лес, вынюхивая еду, которую могли обронить охотники или влюбленные парочки. Вдруг хрустнула ветка, за ней другая. Собака замерла, наострив уши.

– Куда мы идем? – раздался чей-то голос.

Пес беззвучно припал к земле под кустом.

– Я знаю эти леса, – ответил другой, – я отведу тебя к месту встречи.

– Почему именно здесь? И почему в такую рань?

– Ты хотел уединения, не так ли? Его можно найти только в лесу, пока все спят. Будь сейчас сезон охоты, мы бы сюда не сунулись.

– Но мы идем уже полчаса.

– Считаю это дорогой к покаянию.

– Нелегко жить с тем, что я сделал.

– Ты, конечно, затянул с искуплением, но не волнуйся, этих денег хватит, чтобы смыть даже твои грехи.

– Ты уверен, что все пройдет гладко? Я должен улететь обратно сегодня вечером.

– Тсс... Успокойся, ты получишь то, за чем пришел.

Десятиминутный душ вернул Нико к жизни. Брюки карго, чистая рубашка, босые ноги – и он был готов. На кухне, служившей также и гостиной, его ждал вчерашний урожай с огорода, который он разбил сразу после того, как снял этот дом. На массивном столе из сосны стояли две корзины спелых, сочных, словно налитых солнцем сливовидных помидоров. Нико взял один и взвесил на ладони. Сколько труда и любви понадобилось, чтобы вырастить этих красавцев. Он включил духовку и принялся резать помидоры пополам. Посолив, он сбрызнул их оливковым маслом холодного отжима – подарком от хозяина дома, посыпал мелко рубленым чесноком и разложил половинки срезом вниз на четыре противня.

² Корнетти – классическая итальянская сладкая выпечка в форме рогалика или полумесяца, похожая на круассан, но с отличиями в тесте (больше сахара, яиц, иногда цедра цитрусовых), более мягкая и плотная внутри, подается с кофе на завтрак, часто с начинкой из крема, джема или шоколада. (Здесь и далее – примеч. пер.)

Выстрел разорвал утреннюю тишину именно в тот момент, когда Нико задвигал первый противень в духовку. Резкий хлопок заставил его вздрогнуть – помидоры посыпались на пол.
– Черт! – выругался он.

До открытия сезона охоты оставалась еще неделя, но нетерпеливые любители дикого мяса редко соблюдали закон. Альдо Ферри, его домовладелец, предупреждал, что теперь, когда виноградники полны спелых гроздей, кабаны слоняются по округе целыми стаями. Ферма Нико стояла совсем рядом с густым лесом – излюбленным местом их обитания. Сильные, злобные, уродливые звери, взрослый самец мог достигать в весе больше ста килограммов. Альдо советовал обзавестись охотничьим ружьем «на всякий случай», но Нико только покачал головой. Нет уж, спасибо, с оружием он покончил навсегда. Прошлой ночью он впервые услышал выстрелы: короткие, глухие, отдаленные.

Но этот... этот был совсем рядом, и всего один. Если целились действительно в кабана, то стрелок, должно быть, чертовски меткий, иначе с раненым зверем живым не уйдешь.

Нико посмотрел на упавшие помидоры. Несколько штук приземлилось прямо у него под ногами.

Черт, какое там правило? Тридцать секунд? Минута? Что ж, да простит его Рита. Полы он мыл два дня назад, а эти помидоры были нужны ему все до единого для блюда, которое Тильда позволила Нико приготовить сегодня вечером в ресторане.

Когда противни снова заняли свое место в духовке, можно было позволить себе насладиться остатком этого утра. Нико перемолол свежие зерна, поставил кофе-мока на слабый огонь, отрезал два кусочка хлеба и проложил их тонкими ломтиками мортаделлы³ и нежной качотты⁴ из овечьего молока.

Калорий, вероятно, больше, чем в двух цельнозерновых корнетти, но кому теперь есть до этого дело – еще одна из его новых, странных свобод. Он поставил кофе и сэндвич на поднос, накинул толстовку и направился в лучшую часть дома – на балкон. Выходящий на восток, он открывал вид на часть виноградников семьи Ферриелло и невысокие холмы за ними.

Над горизонтом тянулась лишь тонкая лента рассвета, достаточная, чтобы заметить: под деревянными балками крыши было пусто, никаких спящих ласточек. Обычно они не улетали так рано, видимо, их спугнул выстрел или сентябрь подал им знак, что пора двигаться в путь. Если так, то он будет скучать по ним. В те вечера, когда Нико не помогал Тильде в ресторане, он сидел на балконе с бокалом вина, ожидая, когда три ласточки прилетят и устроятся на ночь между балкой и крышей. Он даже не возражал против уборки за ними по утрам. Они привязались друг к другу.

Нико уже доедал свой сэндвич, когда услышал собачий визг – пронзительный, режущий слух звук, который издают только представители мелких пород. Возможно, это тот самый дворовый пес, что поселился у калитки его огорода. Маленький, лохматый, он встречал Нико легким взмахом пушистого хвоста и тут же снова укладывался спать. Нико перегнулся через перила и свистнул. Визг стих секунд на тридцать, а затем возобновился с новой силой. Он свистнул еще раз – без толку, собака теперь лаяла почти без передышки. Нико задумался, не ранена ли она. Вполне возможно, ограды виноградников были под напряжением. Или она могла угодить в капкан. Визг, казалось, доносился слева, со стороны оливковой рощи. Что, если на нее напал кабан?

Надев походные ботинки и прихватив с кухни самый большой нож, Нико пошел на звук. Он прошагал мимо оливковой рощи, поднялся по небольшому, выжженному солнцем склону

³ Мортаделла – традиционная итальянская вареная колбаса родом из Болоньи, известная своим нежным вкусом, розовым цветом и характерными вкраплениями белого свиного сала (шпика) и фисташек, а иногда и другими специями.

⁴ Качотта – популярный итальянский полумягкий или полутвердый сыр, название которого переводится как «сырок» из-за небольшого размера головок, обычно весом от 300 до 800 г. Он имеет нежный молочный вкус с легкой сливочной ноткой, прекрасно плавится и универсален в употреблении.

и оказался в зарослях низкорослых деревьев и кустарника. Лай становился все громче, чаще. Он был уже совсем близко, как вдруг наступила тишина, даже птицы умолкли. Нико бросился бежать.

Собака чуть не сбила его с ног. Вот она, между его ботинками, виляет хвостом.

– Какого... – пробормотал он.

Пес смотрел на него снизу вверх с задорным выражением, словно хотел сказать: «*Я милый, обрати на меня внимание*». Тот, кокер-спаниель, который был у Нико в детстве, смотрел на него точно так же, когда выпрашивал угощение.

– Ничего с собой не прихватил.

Пес поднял лапу, она была красной.

Нико наклонился, чтобы рассмотреть получше. Кровь застыла на всех четырех лапах. Он осмотрел животное в поисках ран. Ничего. Собака была перепачкана, но цела. Должно быть, она нашла место, где кабан или другое дикое животное было ранено тем единственным выстрелом.

– Ладно, пойдем, тебя нужно отмыть. – Нико взял собаку под мышку, та заерзала, вырываясь.

– Ну будь по-твоему, приятель, – пробурчал он и вернул пса на землю.

Тот не сдвинулся с места и снова залился лаем.

Нико продолжил свой путь, в то время как лай не стихал. Наконец Нико остановился и обернулся. Тот поступал так, когда пытался что-то сказать хозяину. Однажды это оказалась мерзкая крыса под крыльцом. Крыс здесь не было, но, возможно, стоит прислушаться к собаке.

– Ну? Что такое?

Пес взвизгнул и рванул в чащу. Нико тяжело вздохнул:

– Лучше бы это было что-то стоящее, дружок.

Через несколько минут они вышли к небольшой поляне. Пес пару раз принялся и лег в траву, посчитав свою работу выполненной. Нико подошел ближе и замер.

Примерно в четырех шагах от него, на дальнем краю поляны, раскинув руки и ноги под неестественным углом, на спине лежал человек. Вместо лица кровавое месиво из плоти, костей и серого вещества.

У Нико сжался желудок. Его поразило не само зрелище: за девятнадцать лет работы детективом он видел и похуже и уже давно привык к этому. Дело было в другом – Нико не ожидал обнаружить здесь труп. Он бросил работу, свою прежнюю жизнь и приехал в Италию, чтобы обрести покой. Он хотел быть рядом с Ритой, рядом с ее семьей, подальше от насильственной смерти. Убийствам, казалось, не было места на прекрасных холмах Кьянти.

– Пошли отсюда, – тихо произнес он.

Телефон остался дома. Нико подхватил собаку – та больше не сопротивлялась – и еще раз окинул тело взглядом. Привычка – вторая натура. Чтобы так разнести лицо, нужен дробовик, а не винтовка. Стреляли с близкого расстояния – полутора, максимум двух шагов, значит, скорее всего, знали друг друга. Кровь должна была забрызгать убийцу с головы до ног, найди окровавленную одежду – и ты найдешь преступника. Нико пробежал взглядом землю: гильзы не было видно. Либо убийца подобрал ее, либо она затерялась в зарослях. Это не его забота. Нико снова посмотрел на тело. Мужчина, высокий, не меньше метра восьмидесяти, большой живот торчал из джинсов и серой футболки, почти полностью покрытой кровью. На ней были какие-то темно-красные буквы либо это была тоже кровь? Нико наклонился вперед так далеко, как только мог, не сходя с места. Он смог различить две буквы на футболке – «ДН», остальное залито красным. На ногах золотистые, запачканные кровью кроссовки-спринтеры Майкла Джонсона. Если этот человек когда-то и занимался бегом, то это было очень давно. Из-под кроссовок выглядывали белые носки. На запястье блестели дорогие на вид золотые часы, воз-

можно, подделка, трудно сказать даже с близкого расстояния. Убийца их не тронул, значит, не ограбление, если только кто-то или что-то не спугнуло его.

Нико перевел взгляд на пса, устроившегося у него под мышкой.

– Ты? – усмехнулся он. – Без сомнений.

Он отвернулся от тела и направился к дому, по-прежнему прижимая к себе собаку. Сделав шагов восемь вглубь леса, он почувствовал, что земля под ногами стала мягкой, и остановился. Дождей не было уже несколько дней, и почва вокруг была совершенно сухой. Нико сделал еще шаг и наклонился – на упавшем с дерева листе скопилась розовая вода. Убийца, должно быть, умылся здесь. Источника воды поблизости видно не было. Нико выпрямился и пошел дальше. Расследовать убийства больше не его работа.

Нико отдал псу остатки своего сэндвича и выставил его на балкон. Потом искупает. Сейчас ему следовало бы набрать 112 – итальянский номер экстренных служб, но сперва он хотел поговорить с кем-то из знакомых. Тильда была занята приготовлением обеда в ресторане. Она была стойкой, но такая новость могла сильно ее взволновать.

Может, лучше позвонить Альдо, хозяину дома, человеку веселому, приятному и рассудительному. Уговорить его сдать в аренду этот старый, заброшенный фермерский дом, в котором никто не жил уже лет тридцать, оказалось проще простого.

– Пресвятая, Мария! На моей земле?!

– Не уверен. Я нашел тело примерно в двух километрах от леса, за оливковой рощей.

– Хвала небесам, не на моей! Немец, которому она принадлежала, умер несколько лет назад, и наследники выставили ее на продажу. Два года назад я хотел расшириться и проверял почву, но на этой земле виноград не вырастишь – сплошной суглинок, лозы не приживаются. Из такого виноградника хорошего вина не получить. Ходят слухи, что какой-то...

– Кто здесь главный? – перебил его Нико. Альдо мог болтать часами. – Полиция? Карabinieri?

Он еще не разобрался, кого вызывают в таких случаях, знал только, что карабинеры – часть армии и с полицией у них, мягко говоря, сложные отношения.

– Карабинеры. Я позвоню Сальваторе, маршалу из Гревы, если он на месте, дорога займет у него минут двадцать.

– Спасибо. Буду ждать его дома.

– Я съезжу за ним. Вот уж новость, убийство под самым носом! Чинция с ума сойдет, когда узнает! У нас сегодня полно дел, семнадцать немцев приедут на дегустацию...

– Пусть направит кого-нибудь на место преступления как можно скорее. В расследованиях убийств важна каждая минута.

– Ты говоришь как детектив из телевизора.

– Я просто хочу, чтобы моя роль в этой истории закончилась как можно скорее.

– Я сейчас же позвоню Сальваторе.

– Спасибо. – Нико положил трубку. Нельзя было забывать, что только Тильда знала, кем он был на самом деле, когда впервые познакомилась с ним, – полицейским, простым патрульным. Рита просила кузину держать это в секрете, боясь, что местные жители станут сторониться Нико после истории с избиением Родни Кинга, произошедшим в Америке всего несколькими месяцами ранее.

Сидя на каменном желобе у входной двери, Нико курил одну из тех двух сигарет, которые выкуривал за день и которыми раньше не мог наслаждаться. Собака лежала у его ног, зажав морду между все еще окровавленными лапками. Купание могло подождать: пес был частью места преступления, как и походные ботинки Нико. Он переобулся в кроссовки, поставив ботинки рядом. Было только начало девятого, солнце уже пригревало, на небе не было

ни облачка, а помидоры в духовке подрумянились как надо. Он сделал еще одну затяжку и почувствовал, как напряжение спадает. Скоро все закончится, приедет маршал, они поговорят, и Нико вернется к своей новой, мирной тосканской жизни.

В этот момент темно-синий седан с характерными красными полосками на капоте показался в начале грунтовой дороги, Нико быстро затушил сигарету, забыв, что ни один итальянец не станет упрекать его за то, что он губит свое здоровье. Собака вскочила и принялась заливисто лаять.

– Тихо!

Пес посмотрел с искренним недоумением.

– Ты меня слышал.

Еще один возмущенный «гав», и он снова улегся.

– Хороший мальчик.

Господи, всего несколько часов назад какому-то человеку разнесли лицо, а он ведет себя как восьмилетний ребенок, которому мама принесла домой Тото. Нико поднял руку, приветствуя Альдо на заднем сиденье. Впереди сидели двое мужчин: белокурая голова водителя возвышалась над рулем, а голова другого пассажира была опущена.

Альдо вышел первым. Это был крупный мужчина немного за сорок, с круглым веселым лицом и брюхом, похожим на винную бочку. На нем были светло-коричневые брюки и ярко-зеленая футболка с фиолетовым логотипом его винодельни. Он помахал в ответ.

– Кто бы мог подумать, Сальваторе, что день начнется с убийства!

С пассажирского сиденья вышел темноволосый мужчина в светло-коричневой рубашке и джинсах. На поясе у него была повязана черная нейлоновая куртка.

– Убийство в моих руках, Альдо, твои пусть держат бокал.

Маршал направился к дому. Он сразу узнал американца: видел его в баре «Аль Анголо». Тогда он подумал, что это очередной турист, и не проявил к нему никакого интереса. Теперь же перед ним стоял крепкий мужчина за шестьдесят, как минимум на две головы выше маршала, с широкими плечами и редящими седовато-каштановыми волосами. У него не было того открытого, оптимистичного взгляда, который он наблюдал у многих американцев – добрых, наивных людей, не умеющих разглядеть опасность, таких, которые носят кошельки и фотоаппараты так, что вору не составляет труда до них добраться, а потом приходят к карабинерам с надеждой в глазах. Надеждой, которую маршалу редко удавалось оправдать. Этот был не из тех, кто легко теряет бдительность. Лицо мужчины было непроницаемым, но в его глазах цвета заваренных чайных листьев светился ум. Интересно, случайный свидетель или нечто большее?

Сальваторе Перилло был лет сорок, ростом не выше метра семидесяти, с густой шевелюрой, настолько черной, что она казалась крашеной. Коренастая, мускулистая фигура, точеное лицо – красивое, с большими, выразительными глазами, пухлыми губами и орлиным носом. Лицо, которое Нико видел раньше, но не мог вспомнить где.

Мужчина улыбнулся.

– Сальваторе Перилло, маршал карабинеров. Простите, что без формы – времени не было.

Вблизи Нико разглядел, что волосы Перилло блестели слишком естественно, чтобы быть окрашенными.

Маршал протянул руку.

– Рад знакомству.

Нико едва сдержал реплику: «Сомнительное удовольствие», но вежливо пожал руку.

– Нико Дойл.

Рукопожатие Перилло было крепким, как хватка. Нико сжал его руку в ответ. Маршал кивнул, словно признавая ничью, а затем убрал руку.

– У меня есть к вам вопросы, но, простите, мой английский не слишком хорош.

Альдо вмешался прежде, чем Нико успел ответить:

– У Нико отличный итальянский. Бабушка – итальянка, мать – американка итальянского происхождения, жена – тосканка. Только акцент американский. – Он ухмыльнулся, по-видимому радуясь возможности поделиться информацией, которой не располагал маршал. Нико узнал тот гордый тон, которым Альдо обычно объяснял тайны виноделия туристам, приезжавшим целыми автобусами на его виноградники.

Тот факт, что Нико довольно свободно говорил на итальянском, не произвел на Перилло никакого видимого впечатления.

– А отец? – спросил маршал по-итальянски.

– Ирландец, – ответил Нико.

– Взрывоопасное сочетание, как мне говорили. – У маршала был сильный южный акцент.

– Так и есть.

– Когда я без формы, люди часто говорят мне правду, когда в форме – довольно редко.

Он посмотрел на пса, обнюхивающего его ноги.

– Это кровь на лапах?

– Да, кровь убитого. Собака привела меня к телу.

– Ваша?

Неожиданно для себя Нико ответил утвердительно.

Перилло наклонился и почесал пса за ухом. В ответ тот лениво махнул хвостом один раз.

– Как зовут?

Первое, что пришло Нико в голову, было Тото... но нет, слишком личное, да и нельзя было затягивать с ответом.

– Называйте его Хвостик, – ответил он по-английски, – если перевести на итальянский, звучит слишком громоздко. Пойдемте, я покажу дорогу.

Маршал мгновение внимательно смотрел на Нико, его лицо было спокойным, но бывший детектив уловил легкое удивление – маршал не ожидал, что свидетель возьмет инициативу в свои руки.

– Хорошо, ведите. Мой бригадир останется в машине. Это далеко?

– Километра три вглубь леса.

– Ах в лесу. – Взгляд Перилло скользнул вниз, на ноги. На нем были коричневые замшевые ботинки, выглядевшие совершенно новыми. – Хорошо хоть дождей не было. – Он жестом предложил идти. – Я буду задавать вопросы по пути.

– Возможно, будет быстрее, – возразил Нико, непривычный к роли допрашиваемого, – если я все расскажу, а затем вы зададите вопросы.

Перилло усмехнулся:

– Американцы – заложники спешки. В Тоскане, на севере Италии, люди ближе к американскому образу мышления, но я родом из Кампании.

Они двинулись в лес, Альдо замыкал цепочку, Хвостик бежал впереди. Нико удивило, что Перилло позволил Альдо идти с ними: чем меньше людей на месте преступления, тем лучше, но он снова напомнил себе, что это не его расследование.

– У нас другой подход, – продолжал маршал. – Хотя, признаю, вы правы. Время приносит жару, мух и личинок. Я уверен, зрелище и без того было весьма неприятно, вам не хочется лицезреть снова, и вы бы предпочли поскорее со всем покончить, чем раньше, тем лучше. Что же до понимания истории, стоящей за этой смертью, боюсь, спешка будет неуместна. Наши рас-

следования не похожи на «Закон и порядок» или «С.С.И.»⁵. Итак, скажите, синьор Дойл, какие факты вы так стремитесь выбросить из головы? – поинтересовался Перилло, используя формальное обращение.

– Сегодня утром, в начале восьмого, я услышал одиночный выстрел. Он прозвучал довольно близко. Я предположил, что это был охотник, который не мог дожидаться начала сезона. Но, возможно, именно тот выстрел и убил этого человека.

– Посмотрим. Не стоит спешить с догадками.

– Разумеется.

– Пожалуйста, продолжайте, синьор Дойл.

– Прошу, зовите меня Нико.

– Давайте пока что соблюдать формальности.

Они вошли в лес. Тропинки не было, и Нико мысленно благодарил пса за то, что тот прокладывал им путь. При других обстоятельствах прогулка могла бы быть приятной. Утреннюю тишину нарушало пение птиц, темный подлесок был усеян солнечным светом, пробивающимся сквозь деревья, легкий ветерок шевелил листву.

Пока Перилло не спускал глаз с земли, осторожно ступая в своих новых замшевых ботинках, Нико объяснил, что к телу его привел отчаянный лай пса.

– Я решил, что он ранен.

– Где вы были, когда услышали собаку?

– На балконе, завтракал.

– Если тело находится в трех километрах в глубине леса, у вас очень острый слух.

– У Хвостика невероятно пронзительный голос. К тому же было еще довольно рано и тихо. Возможно, я насторожился из-за того выстрела. Всего один – это меня удивило. Услышав лай, я пошел на него и стал свидетелем ужасной картины. На обратном пути я обнаружил участок влажной земли и немного розовой воды. Я предполагаю, что убийца смыл с себя кровь, но не помню, где именно это было.

– Мы поищем. Вы наступали туда?

– Да. Вам понадобятся мои ботинки.

– Разумеется. – Перилло посмотрел на него с новым интересом.

Лай Хвостика прервал их разговор.

– Мы почти на месте, – пояснил Нико, – за теми кустами поляны; тело у дальней кромки.

– Оставайтесь здесь и держите собаку, – приказал Перилло. Он расправил плечи и решительно пошел вперед.

Первым в лицо ударил тяжелый металлический запах крови и неистовый гул мух. А затем он увидел тело на краю поляны. Маршал отшатнулся, закрыл глаза и перекрестился. Это было действительно отвратительное зрелище.

«Жара, мухи, личинки», – вспомнил он собственные слова, сказанные напыщенным тоном, и от этого ему стало неловко. Эта напускная важность появлялась всегда, когда он говорил с чужаками. То, что обнаружил синьор Дойл, было ужасающим актом ненависти.

«Кем был этот бедолага? Чем он заслужил такое насилие? Уж точно не местный, в такой-то обуви». Перилло снял новые ботинки и носки. Он забыл бахилы. Ну ничего, босые ноги отмыть проще. Маршал вытащил резиновые перчатки из заднего кармана и натянул их.

Он осторожно обошел тело по широкой дуге, стараясь наступать на чистую траву. Затем наклонился и проверил один карман – пусто. В другом не было ничего, что могло бы указать на личность несчастного, но глубоко внутри он обнаружил твердый предмет. Маршал осторожно

⁵ С.С.И. чаще всего относится к популярной американской медиафраншизе телесериалов «С.С.И.: Место преступления» (Crime Scene Investigation), повествующей о работе криминалистов.

извлек его, стараясь не сдвинуть тело, и разглядел находку на ладони. Если повезет, это даст зацепку. Удача и усердная работа.

Перилло положил предмет в пакет для улик, достал свой мобильный и набрал номер штаб-квартиры во Флоренции.

Нико наклонился и взял Хвостика под мышку, за что тот благодарно лизнул его в подбородок. Альдо выждал пару минут, а затем на цыпочках двинулся вперед.

– О боже! – Колени Альдо подкосились, когда он заглянул за кусты.

– Я предупреждал тебя.

Альдо медленно отступил, вытирая лицо платком.

– Думаешь, бедолаге выстрелили в лицо, чтобы его не опознали?

Нико и сам задавался этим вопросом.

– Возможно, у него в карманах есть документы.

– Ты не смотрел? – Альдо продолжал тереть носовой платок.

– Я знаю, что нельзя ничего трогать на месте преступления.

Альдо посмотрел на часы.

– Мне пора возвращаться. Семнадцать немцев приедут на дегустацию и обед, и сорок американцев прибудут из Флоренции на ужин. День будет тяжелый.

– Тяжелый день будет у меня, – сухо заметил Перилло, выходя из-за кустов с ботинками под мышкой. – Для тебя это даже удача. Расскажешь гостям не про виноделие, а про убийство. – Его тон был веселым, но выражение лица оставалось каменным. – Развлеки их парой деталей, они захотят узнать больше, и ты продашь им несколько лишних бутылок. Ступай домой и выпей пару бокалов ризервы. Оно сотрет из памяти то отвратительное зрелище, ради которого ты настоял прийти сюда. – Маршал повернулся к Нико, который уставился на его босые ноги.

– Кровь и замша – плохое сочетание, синьор Дойл.

– Ты нашел при нем документы? – спросил Альдо.

– Нет. На нем были белые спортивные носки и золотистые кроссовки, что наводит меня на мысль, что он американец, хотя на твоём месте я не стал бы рассказывать об этом гостям. На руке золотые Breitling, тысяч на пять евро, что исключает ограбление как мотив. Возможно, он был из тех людей, кто разгуливает без мобильного телефона, бумажника, кредитной карты или водительских прав, – пояснил Перилло, – хотя у человека могут отнять гораздо большее, чем дорогие аксессуары. Например, жизнь. – Он повернулся к Нико. – Благодарю вас, синьор Дойл, что стали моим проводником в этом ужасном деле. Полагаю, не такого вы ожидали от жизни в Тоскане. Прошу передать ваши ботинки моему бригадиру и сегодня днем приехать в участок в Грече для дачи показаний. Там же я сниму ваши отпечатки пальцев и возьму образец ДНК.

– Я и близко не подходил к телу, а мои отпечатки есть в базе, в моем виде на жительство.

– Я не сомневаюсь в ваших словах, но тем не менее порядок есть порядок. Требование о проведении анализа ДНК довольно новое и, должен признать, полезное. Тот редкий случай, когда нововведение в Италии вносит меньше путаницы, а не больше. Что до ваших отпечатков, это сэкономит время – не придется ждать, пока нам, карабинерам, откроют доступ к базе вида на жительство. Оставьте собаку со мной, пожалуйста, возможно, она принесла что-то интересное на лапах и шерсти. Криминалисты и судмедэксперт уже в пути. Не забудьте, синьор Дойл, в четыре часа я жду вас в участке. Указатели в городе интуитивно понятные, у вас не возникнет сложностей найти нас.

Нико взглянул на пса. Тот, будто почуяв неладное, склонил голову набок.

– У меня нет для него поводка, – ему не хотелось отпускать Хвостика, – могу подождать, пока за ним приедут.

– Мы не можем позволить вам оставаться здесь, пока мы работаем. Не беспокойтесь, с ним будут обращаться бережно. – Перилло снял с пояса свою куртку и разложил ее на земле. – Кладите его сюда.

Нико послушно положил пса. Маршал быстро застегнул молнию, завязал рукава узлом и поднял сверток с собакой.

Хвостик выглянул из отверстия и тявкнул на Нико.

– Ступай домой, Альдо. Вы тоже, синьор Дойл.

Нико успел лишь почесать пса за ухом. Тот ответил громким обиженным лаем.

Глава II

В половине двенадцатого Нико вошел в ресторан с противнем запеченных томатов. В полдень ресторан «Сотто иль Фико» («Под инжиром») открывался на обед.

– Buongiorno⁶, – поприветствовал Нико.

– Не для всех, как я слышала, – отозвалась Эльвира, свекровь Тильды, сидевшая в своем любимом кресле в глубине узкой гостиной, где располагался бар и несколько столиков. Но настоящей гордостью ресторана была просторная терраса на вершине холма с огромным инжиром в центре и безмятежным видом на лоскутное одеяло безупречно ровных виноградных рядов. Эльвира сидела в одном из своих семи домашних платьев – по одному на каждый день недели. Сегодняшнее было белое в красную и розовую клетку. Она была вдовой шестидесяти двух лет с крашеными волосами цвета воронова крыла, морщинистым лицом, из-за которого она выглядела старше своих лет, маленьким острым носом и пронзительными голубыми глазами, от которых, казалось, не ускользало ни одной детали. Рита прозвала ее «чайкой» за привычку кружить вокруг людей в поисках мелких сплетен.

– Бальзама? – предложил Энцо, сын Эльвиры и муж Тильды, стоявший за стойкой. Он потянулся за бутылкой граппы⁷. У него было такое же угловатое лицо, как у матери, черные волосы с проседью, и он неизменно был одет в джинсы и футболку с эмблемой любимой флорентийской футбольной команды. Энцо налил граппу в маленькую стопку и протянул.

– Бедный Нико, выпей, это приведет тебя в чувство.

Значит, слух уже разошелся.

– Нет, спасибо, я в порядке.

– Я бы не был в порядке. – Энцо опрокинул стопку одним махом. – В Гравинье никого еще не убивали. – Он с тоской посмотрел на бутылку, но поставил ее обратно на полку. – Мир сошел с ума, люди убивают друг друга безо всякой причины. Эта страна тонет в дерьме, а теперь и в нашем лесу нашли труп.

– Уверен, убитый не был кем-то из твоих знакомых. – Из того, что Нико знал об этом городе, только Серджио Макки, мясник, владевший двумя ресторанами, был достаточно богат, чтобы позволить себе такие часы, но у него не было такого живота, как у покойного.

– Конечно, нет, – вмешалась Эльвира, – но я слышала, у погибшего американца не нашли документов.

– С чего вы взяли, что он американец? – Нико подошел к ней.

– Это очевидно, – заявила она, – на нем были золотистые кроссовки и плотные белые носки. Национальность человека всегда можно определить по носкам и обуви. Немцы и скандинавы носят коричневые или серые носки с сандалиями. Азиатки – короткие носочки с рисунком и женственные туфли на каблуке. Англичане – клетчатые гольфы и практичную кожаную обувь.

Нико поднял противень:

– Лучше я отнесу это на кухню.

– Я надеялась, ты передумаешь насчет своего блюда, – фыркнула Эльвира, – туристы предпочитают тосканскую кухню, а не то, что придумали в Бронксе.

– Это придумала Рита, и она была тосканкой.

Эльвира отмахнулась от него.

– Ну-ну. Иди на кухню. Тильда уже решила, что ты струсил.

⁶ Buongiorno (*итал.*) – добрый день.

⁷ Граппа – традиционный итальянский крепкий алкогольный напиток, получаемый путем дистилляции виноградных выжимок (жмыха, косточек, стеблей) после отжима сока для вина, крепостью 36–55 %.

– Я не струсил! – раздался голос из кухни.

– С тех пор как она узнала об убийстве, ведет себя так, будто наткнулась на осиное гнездо.

– Мама, она расстроена, как и все мы. – Энцо вернулся к полке и налил себе еще граппы.

Эльвира покачала головой и продолжила складывать салфетки. Нико невольно удивился, как эти две женщины вообще уживались. Их отношения нельзя было назвать теплыми, особенно учитывая, что работали они бок о бок. Эльвира владела рестораном и считала своим вкладом аккуратно сложенные салфетки. Делала она это, непременно сидя в старом позолоченном кресле (найденном на свалке), которое, по ее словам, «завещала ей римская графиня». Когда она не занималась салфетками, то разгадывала кроссворды в еженедельнике *Settimana Enigmistica*⁸, зорко следя за каждым входящим. Энцо, ее сорокалетний сын, заведовал баром и кассой и изредка, в минуты энтузиазма, помогал нарезать хлеб.

В кухне, длинной и узкой, с поцарапанными деревянными столешницами и стенами, увешанными старой медной и стальной утварью, Тильда быстро резала грибы для салата с яблоками и грецкими орехами – их главного хита на обед. Она чмокнула Нико в щеку, сбрызгивая только что нарезанные кусочки лимонным соком.

– До меня дошли слухи. Жаль, что тебе пришлось через это пройти.

– Ты имеешь в виду Эльвиру или покойника?

Она слабо улыбнулась.

– И то и другое. Ты в порядке?

– Да. – Нико поставил противень с помидорами в дальний угол кухни. Он не понадобится ему до самого вечера. – А ты?

– Оса ужалила меня, но потом умерла.

Нико усмехнулся.

– Охотно верю. Мы все знаем, что ты закалена в граните, но это всего лишь броня. Наличие убийцы поблизости безусловно пугает. И нет ничего постыдного в том, чтобы это признать.

Услышать об убийстве было ужасно, но именно упоминание об обуви покойника вонзилось ей в грудь, словно нож. Прошло уже двадцать два года. Тильде почти удалось стереть из памяти мысли о Робби, но теперь его пьяное хвастовство звенело в ушах: «*Я вернусь весь в золоте*».

– Правда ли, что на убитом были золотистые кроссовки? – спросила она.

– Да, и массивные золотые часы на руке. – Нико прошел мимо маленького окна, выходящего на обеденную зону, и, увидев Стеллу, помахал ей. Крестница Риты накрывала столы на террасе под инжиром.

– Ciao⁹, дорогая. – Нико надеялся на ее привычную теплую улыбку, но получил лишь короткий кивок. Понятно. Новость о случившемся коснулась и ее.

– Дай-ка я займусь этим. – Нико отодвинул в сторону противень с лазаньей из цукини, готовой для запекания, и встал рядом с Тильдой.

Она протянула ему нож.

– Очень тонко. И не забудь про лимон.

– Знаю, знаю, – усмехнулся он. Это была не первая их совместная готовка. – Я понимаю, что в маленьком городе слухи разлетаются молниеносно, но откуда Эльвире известно про носки и кроссовки?

– От Джанни, – отмахнулась Тильда. – Он работает на Альдо. Думала, ты в курсе.

Джанни был парнем Стеллы, красивым молодым человеком с юношеским высокомерием. Стелле он нравился так же сильно, как не нравился Тильде. Она помешала кастрюлю с осты-

⁸ *Settimana Enigmistica* – популярный итальянский еженедельный журнал с кроссвордами и головоломками.

⁹ *Ciao* (итал.) – привет.

вавшими белыми бобами, которые собиралась подать с тунцом и сладким красным луком из Чертальдо, родного города Боккаччо¹⁰. Бобы, в любом их виде, были основным блюдом тосканской кухни.

Тильда протянула Нико ложку.

– После всего, через что ты прошел, тебе не помешает подкрепиться. Угощайся, чем душа пожелает.

Ему предлагали еду в качестве успокоительного, и Нико обвел взглядом кухню.

Рядом с кастрюлей стояла еще одна тосканская классика и гордость ресторана – паппа аль помодоро, густой суп из черствого хлеба, помидоров, чеснока, базилика и овощного бульона, щедро заправленный оливковым маслом холодного отжима. Паппа, приготовленный Тильдой, превосходил все те, что они с Ритой перепробовали за последние годы. Если у Тильды и был секретный ингредиент, она никогда им не делилась. Каждый раз, когда Нико заходил на кухню, суп уже стоял приготовленный, как будто ждал его.

Тильда уловила его взгляд.

– Возможно, однажды я тебе расскажу.

– Не слишком на это рассчитываю.

– Это мудро. Сальваторе знает, что ты был полицейским?

– Нет, и ты ему не скажешь. Вы с ним тоже на «ты»?

– А как же, его все знают. Он заходит в бар «Аль Анголо», когда есть возможность, там собираются велосипедисты, а он заядлый велогонщик. Он с приятелями иногда заглядывает к нам на поздний ланч после воскресной гонки.

Во время своего первого визита Нико сразу заметил, что велоспорт был итальянской страстью. По выходным в Тоскане не было дороги, не заполненной гоночными велосипедами, которые сновали вверх-вниз по склону.

– Ты наверняка видел его раньше, – добавила Тильда.

– Его лицо и вправду показалось мне знакомым.

– Сальваторе Перилло – хороший человек, надежный. – Она повернулась к Нико. У нее было маленькое лицо с большими глазами цвета карамели, которые смягчали его строгое выражение. Красный хлопковый платок, обмотанный вокруг головы, скрывал такие же красивые длинные каштановые волосы, которые были гордостью Риты, пока не поседели. Тильде был сорок один год, и ее волосы еще не утратили своего насыщенного цвета. На старых семейных фотографиях, которые видел Нико, она была ослепительной улыбчивой девушкой, теперь же перед ним была женщина с усталым, хмурым лицом. И все же она утверждала, что счастлива. Рита считала, что дело в работе.

Тильда вытерла руки о длинный белый фартук, покрывавший ее идеально отглаженное бежевое хлопковое платье. Нико никогда не видел ее в брюках или в мятой одежде.

– Ты бы мог помочь ему раскрыть преступление, – добавила она.

– Зачем? – Он закончил резать грибы и взял зеленое яблоко. Нико хотел добавить, что не разбирается в убийствах, но промолчал. Лгать Тильде не хотелось, но и рассказывать все – тем более. Она не знала, что он когда-то перешел из патрульной службы в отдел расследования убийств.

Много лет назад он запротестовал, и Рита сказала: «Ты не знаешь итальянцев. Они будут говорить только о твоей работе. Это испортит нам отпуск. К тому же твоя работа – сплошной кошмар, не понимаю, как ты ее выносишь».

Тогда он обиделся, не подозревая до этого момента, насколько сильно ей не нравилась его новая работа. Он и сам плохо переносил кровавые сцены, но верил, что помогает восстановить

¹⁰ Джованни Боккаччо (1313–1375) – выдающийся итальянский писатель и поэт эпохи Раннего Возрождения, один из основателей гуманизма и ключевая фигура европейской литературы наряду с Данте и Петраркой.

справедливость для семей погибших. Рита обвинила его в желании играть в Бога. Он напомнил ей, что зарплата детектива выше, чем у патрульного, а им ведь тогда хотелось завести ребенка. С тех пор прошло двадцать лет.

Тильда открыла большую банку сицилийского тунца.

– Нужно, чтобы убийцу нашли как можно скорее. Весь город гудит. Все взволнованы и напуганы, телефон Энцо не умолкает, мне пришлось выключить свой. Последнее, что нам сейчас нужно, – напуганные туристы, тогда сезон точно можно считать оконченным. К тому же я боюсь, что тебе здесь скоро наскучит и ты вернешься в Америку.

– В таком красивом месте сложно заскучать. – Временами ему действительно становилось грустно, чего и следовало ожидать, его положение здесь еще не было прочным, но он работал над этим. Когда он не помогал в ресторане – три дня в неделю, – он гулял по улицам, прислушивался, заводил разговоры в баре, у газетного киоска, в траттории¹¹ на площади. Его ничто не тянуло обратно в Нью-Йорк. Карьера осталась позади.

– Вы – моя единственная семья, и я никуда не уеду. Мне нравится помогать в ресторане.

– Но мне неловко оттого, что я не плачу тебе.

– Что мне нужно, так это дружба, а не деньги. Кроме того, кормите вы меня прекрасно.

– Мы закроемся в октябре и не откроемся до апреля. Что ты будешь делать тогда? Конечно, ты сможешь обедать с нами в любое время, но все же зимние месяцы здесь могут показаться очень длинными.

– Я отточу свои кулинарные навыки и наймусь к конкурентам.

– Ну ты даешь. – Она ткнула его в бок. – Твое сегодняшнее блюдо должно быть на редкость хорошим.

– Так и есть. Хотел бы я заверить Стеллу, что ей нечего бояться. – Нико наблюдал, как она суетится вокруг столиков с поникшими плечами и опущенной головой.

– Это не из-за убийства. Она поссорилась с Джанни.

– Серьезно?

– Еще как, и я надеюсь, у нее хватит ума порвать с ним.

– Это жестоко. Ведь она его любит.

– Переживет.

Сердитый тон Тильды заставил Нико остановиться и внимательно посмотреть на нее. Он знал, что она очень любит свою дочь, и недоумевал, что могло заставить ее так легко отмахнуться от чувств Стеллы. Он молча наблюдал, как Тильда ставит лазанью в духовку.

Она захлопнула дверцу и повернулась к нему:

– Не смотри так. Я не ведьма. Пойми, у Стеллы диплом по истории искусств, а Джанни хочет, чтобы она осталась здесь и работала официанткой. Вчера она послушалась его и поехала во Флоренцию сдавать конкурсные экзамены на должность смотрителя музея.

– Разве диплома не достаточно? – удивился Нико. Судя по тому, что он видел, итальянские музейные смотрители только и делали, что сидели на стульях и следили, чтобы посетители не подходили слишком близко к произведениям искусства. По крайней мере, у них было преимущество посидеть, привилегия, которой, казалось, не было у их американских коллег.

– Нет. Любая государственная работа может быть получена только после блестящей сдачи экзамена, – пояснила Тильда, – и, даже если Стелла получит высший балл, нет гарантий, что ее возьмут. Здесь люди продвигаются по службе благодаря знакомствам или взяткам. Стелла хотела преподавать историю искусства в университете, но ее профессор не был достаточно уважаем, чтобы стать ее наставником, так что теперь нам остается возлагать надежды на должность смотрителя. Работа хоть и простая, но стабильная. Двадцать мест и три тысячи претен-

¹¹ Траттория – небольшой итальянский ресторан с неформальной, домашней обстановкой, ориентированный на местную кухню, доступные цены и семейную клиентуру.

дентов. Я не питаю особых надежд, но, по крайней мере, попытки Стеллы следует поощрять. А Джанни сказал, что бросит ее, если она получит эту работу.

– Он просто боится ее потерять.

– Только не вздумай вставать на его сторону, – прищурившись, сказала она, указывая на Нико сервировочной вилкой.

Он впервые видел Тильду такой раздраженной.

– Я и не собирался. Хочешь, я поговорю с Джанни?

– Нет. Я хочу, чтобы она наконец образумилась и порвала с ним.

Из гостиной донеслись смех и немецкая речь.

– Хватит болтать, – оборвала разговор Тильда, – наши первые гости уже здесь.

– Я помогу Стелле накрыть столы.

– Ты – дар Божий, – поблагодарила Тильда, чмокнув его в щеку и вытолкнув за дверь.

На обед пришло немало народу, к счастью не подозревавшего об убийстве. Нико и Стелла были слишком заняты суетой, чтобы поговорить друг с другом, пока ему не пришло время ехать в участок. Маршал, наверное, уже ждет его, но Стелла была важнее. Они только что закончили убирать со столов. Он взял девушку за руку и увел под тень инжира. Прежде чем сесть, он поцеловал ее в щеку.

– Как ты?

Стелла была почти точной копией Тильды в юности: тот же овал лица, пухлые губы, прямой нос, светлая кожа, густые каштановые волосы, которые она только что подстригла нарочито неровно – одна сторона закрывала ухо, а другая едва касалась его. Нико видел, как Тильда побледнела, когда Стелла вернулась из парикмахерской, и только вымолвила: «Хорошая стрижка». Отличался только цвет глаз – нефритово-зеленый, которого больше ни у кого в семье не было.

Стелла нахмурилась.

– Это мама просила тебя поговорить со мной?

– Нет. У меня болят ноги, и я хочу увидеть твою прекрасную улыбку.

В ответ она коротко и хрипловато рассмеялась:

– Прости, я где-то обронила ее и теперь не могу найти. – Она наклонилась и обвила его шею руками. – Бедный Нико, тебе, наверное, пришлось нелегко. Ты не испугался?

– Нет. Мужчина уже был мертв. Мне было скорее неприятно, чем страшно. Что действительно вселяет ужас, так это жестокость, на которую способны люди.

Она опустила руки и начала теревать край своей кофты.

– Да, это пугает. Ведь ты нашел его в лесу за домом Альдо? Мама всегда запрещала мне туда ходить одной. Не знаю почему, там никогда ничего не случалось до сегодняшнего дня. Джанни считает, она просто хочет все контролировать, говорит, там отличное место для сбора грибов.

– И, подозреваю, неплохое место для влюбленных.

Стелла покачала головой. Ни улыбки, ни румянца.

– Есть и другие места. Я очень хочу, чтобы мама и Джанни поладили. Я чувствую, будто разрываюсь надвое.

– Она беспокоится о твоём будущем.

– Знаю, я тоже. А Джанни ведет себя совершенно невыносимо. Дядя Нико, ты точно в порядке?

– В полном. И, пожалуйста, не бойся, карабинеры быстро найдут убийцу. – Нико поднялся. – Сiao, моя красавица. Спасибо, что беспокоишься обо мне. – Он поцеловал ее в обе щеки. – Увидимся вечером, расскажешь, как тебе мое блюдо.

Она тоже встала, натянув уже помятый край своей кофты на джинсы.

– Уверена, оно очень вкусное и нам ничего не достанется. – Тень прекрасной улыбки промелькнула на ее лице.

– Ах, свет возвращается.

– Это твоя заслуга. Люблю тебя.

– И я тебя.

Короткое объятие – и Нико поспешил уйти, он уже сильно опаздывал.

Нико выехал на живописную трассу 222, петляющую через холмы Кьянти от Сиены до Флоренции. Его старенький «Фиат 500» начал хрипеть сразу, как только он нажал на газ. Поездка, рассчитанная на пятнадцать минут, заняла все тридцать. Он с самого начала знал, что цена, которую запросил Энцо за машину, была завышена, но оба понимали, что деньги пойдут на новую кофемашину для ресторана. Тогда Нико охотно заплатил, теперь же ему хотелось выругаться.

Выехав на главную дорогу в Греве, машина перестала хрипеть, но движение замедлилось до темпа «бампер к бамперу». Нико прочитал растяжку над улицей, причина пробки стала ясна. Выставка «Кьянти Классико» – крупнейшее мероприятие по дегустации вин в регионе, должно было начаться через три дня. По мере приближения к перекрестку, ведущему на большую средневековую площадь, сердце города, он услышал голоса, перемежающиеся ударами молотка. Он вспомнил, что читал об этой выставке в местной газете, но утренние события стерли все из памяти. Даже если бы он вспомнил, то все равно не бросил бы Стеллу одну обслуживать более тридцати посетителей. В этот раз даже Энцо крутился у стойки, разливая вино и готовя эспрессо. Теперь уж ничего не поделаешь. Маршал поймет. Или нет. Ему было все равно, это ведь просто формальность, в конце концов, итальянцы всегда опаздывают.

Зеленый свет никак не хотел загораться, и указателей тоже не было видно. Нико высунулся из окна и спросил женщину, нагруженную покупками, как найти участок карабинеров.

Женщина средних лет, одетая в мятый желтый льняной костюм, просияла:

– Ах, хвала небесам! Я вам покажу. – Она быстро подошла к его машине, открыла пассажирскую дверь, поставила сумки на пол и плюхнулась на заднее сиденье. Места едва хватило.

Нико уставился на нее. Она улыбнулась:

– Доверьтесь мне.

Он ненавидел эти слова, потому что они редко оправдывали себя, но ее лицо было добрым, и он успокоился. Не то чтобы он думал, что его похищают, но, возможно, манипулируют им.

Наконец зажегся зеленый.

– Здесь направо, – скомандовала женщина, указывая длинным накрашенным ногтем. – Проезжайте мост и на следующей улице поверните налево. Видите указатель? – Она говорила медленно, тихим мягким голосом, словно обращаясь к иностранному ребенку. Акцент его выдал.

Нико сделал, как она велела.

На полпути к вершине холма она попросила его остановиться.

– Я живу в этом районе. – Она протянула ему руку. – Мария Дорсетти.

Нико пожал ее, бормоча свое имя. Что-то в этой женщине смущало его.

Она не переспросила.

– Спасибо, что избавили меня от необходимости подниматься в гору. На вершине холма поверните направо, затем налево. Слева от вас будет кафе, справа парк. Отделение карабинеров находится прямо через дорогу от парка. Надеюсь, у вас с ними не возникнет неприятностей. – Она наклонила голову, ожидая его ответа.

Он ограничился кратким:

– Спасибо.

Явно разочарованная его сдержанностью, она собрала свои сумки и с трудом выбралась из маленькой машины, помахав Нико на прощание.

Поднимаясь в гору, он заметил в зеркале заднего вида, что женщина осталась стоять на тротуаре, наблюдая, как он уезжает. Нико вспомнил, как они с Ритой однажды заблудились, пытаясь найти «Даль Папаверо», знаменитый ресторан в деревушке над Гайоле-ин-Кьянти. Рита спросила дорогу у единственного человека, которого они встретили, – подростка, гонявшего футбольный мяч. Мальчик предложил проводить их, Рита согласилась, прежде чем Нико успел ее остановить.

– Он заведет нас бог знает куда, – пробормотал он по-английски.

Рита рассмеялась и этим закрыла тему. Мальчишка сел на заднее сиденье, объяснил Рите, как добраться, и через семь извилистых километров в гору показался «Даль Папаверо».

Парнишка отказался и от денег, и от ужина.

– Вы заблудились, а мне было скучно, – сказал он и побежал вниз, пиная свой мяч.

За десертом торта делла нонна¹² Рита прочла Нико лекцию о доверии.

– Добрый вечер, синьор Дойл. – Перилло стоял за большим столом в конце длинного кабинета. Расстояние от двери до стола давало ему время, чтобы изучить людей, которые приходили жаловаться, ябедничать, лгать или говорить правду. Это придавало ему форы.

Перилло наблюдал, как высокий мужчина уверенной походкой пересекает комнату. Не улыбается, но чувствует себя непринужденно в этой обстановке. Большинство людей, даже честных, нервничали, впервые попадая в участок карабинеров. Только не этот. Благодаря интернету Перилло узнал несколько интересных фактов о синьоре Дойле.

– Простите за опоздание. Не ожидал таких пробок.

– В извинениях нет необходимости. Ваша собака ждет под столом, вела себя безупречно.

– Привет, дружище. – Нико наклонился.

Пес не отреагировал. Его шерсть превратилась в пушистое облако, лапы сияли чистотой, а кое-где шерсть была даже подстрижена.

– Кто-то тебя выкупал, – пробормотал Нико, глядя длинные уши. – Выглядишь отлично.

Пес не шевельнулся.

– Он не пострадал? Что вы с ним сделали?

– Криминалисты внимательно осмотрели его, шерсть тщательно прочесали, чтобы собрать все, что могло в ней застрять, лапы отмыли до блеска. Не думаю, что он поможет нам раскрыть убийство, но порядок есть порядок. Мы также сняли отпечатки с ваших ботинок. Поскольку вы так переживали за пса, я отвез его к вам домой, когда криминалисты закончили. Вас не оказалось, и, боясь, что он убежит, я привел его сюда. Ботинки я оставил у порога.

– Я был в «Сотто иль Фико».

– Хороший ресторан, но я нахожу их лазанью из цукини тонковатой. Всего три слоя пасты, никаких помидоров, никакой рикотты, только цукини, зелень и соус бешамель. Еда бедняков, чем тосканская кухня, в сущности, и является. На юге, где люди куда беднее тосканцев, лазаньи – это маленькие горы пасты, наполненные таким богатством, за которое мы можем благодарить только Аполлона, бога солнца.

– Вы его вымыли, – вдруг произнес Нико, и это прозвучало как обвинение.

Перилло был привычен к такому тону от разгневанных туристов и, увы, от собственной жены.

¹² Торты делла нонна, или «бабушкин десерт» – это сладкий пирог из песочного теста, наполненный заварным кремом с ванильным вкусом и покрытый кедровыми орешками и сахарной пудрой.

– Моя супруга взяла это на себя. Мы живем этажом выше. Не думал, что вы будете против, пес был в ужасном состоянии, – произнес он с легким укором, – она и ботинки ваши начистила.

– Пожалуйста, передайте ей мою благодарность и давайте перейдем к протоколу. – Тон Нико был резким. Маршал предположил, что злиться на него было проще, чем на дворнягу. Он указал на стул напротив:

– Пожалуйста, садитесь.

Нико сел, стараясь не задеть ногами собаку. Из соседней комнаты доносились голоса. Он гадал, сколько карабинеров работает в этом участке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.